

Рецензии, аннотации, отзывы

**КАСАВИН И.Т. ТЕКСТ, ДИСКУРС, КОНТЕКСТ.
ВВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНУЮ ЭПИСТЕМОЛОГИЮ ЯЗЫКА.
– М.: Канон+, 2008. – 437 с.**

Е.В. ЗОЛУХИНА-АБОЛИНА

Новая книга Ильи Теодоровича Касавина представляет собой фундаментальный труд, впечатляющий как своим объемом, так и разнообразием поднимаемых и обсуждаемых проблем. Это серьезное методологическое исследование, целиком направленное на то, чтобы рассматривать тему языка и речи не только в лингвистическом, но прежде всего в *философско-культурологическом* ключе. Главный герой книги – язык – должен, с точки зрения автора, пониматься в первую очередь как персонаж культуры, всегда существующий лишь в ее многообразных и неповторимых исторических контекстах – языковых и внеязыковых, устных и письменных. Являясь порождением многообразных культурных отношений, язык в то же время опосредует все виды человеческого опыта и сам выступает как творец новых смыслов и новых артефактов.

И.Т. Касавин обращается в своем исследовании к триаде «текст – дискурс – контекст», где дискурс оказывается посредником между текстом и контекстом, а все три названных момента рассматриваются как носители и создатели смыслов. Обращаясь к вопросу о том, как изучать это непростое предметное поле, автор говорит о принципах *неклассической эпистемологии*, о которой он уже писал в прежних своих трудах. Эти принципы, в частности, предполагают:

- 1) рассмотрение текстов с точки зрения разных дисциплин, практическое осуществление междисциплинарного подхода;
- 2) историческое рассмотрение языка как развивающегося, эволюционирующего;
- 3) отказ от сугубо формального подхода к языку и от естественнонаучной парадигмы, требующей неукоснительной точности. Сам автор реально следует выдвинутым принципам.

Книга содержит пять крупных разделов. В первом, где исследователь обращается к теме речи, языка и повседневности, на первый план выступает тема обыденной речи, повседневного языка. Второй раздел посвящен статусу языка в культуре и историческим измене-

ниям роли речи и текста в европейской истории. Здесь также обсуждаются вопросы методологии. В третьем разделе анализируется тема контекста. Четвертый раздел посвящен дискурсу и, наконец, пятый трактует тему иносказания и проследживает рождение смыслов в практике культуры. В единстве своих разделов книга дает целостную картину состояния философии языка после лингвистического поворота, а также рисует реально идущие в устной и письменной культуре процессы смыслообразования.

Текст книги обнаруживает для читателя огромную эрудицию автора. И.Т. Касавин не только опирается на немецкоязычную и англоязычную лингвистическую и философскую литературу, цитирует еще не переведенные, недоступные для широкой публики работы, но и легко оперирует текстами самых разных классических и современных писателей и поэтов. Не только М. Бахтин и Ю. Лотман, О. Шпенглер и Л. Витгенштейн, З. Фрейд и М. Фуко, но и И. Бродский, Б. Пастернак, М. Цветаева, У. Шекспир, Ф. Достоевский становятся участниками заочного диалога с читателем. Немалую роль играют в работе античные и библейские сюжеты. Создается впечатление, что автор совершенно свободно беседует то с одним, то с другим крупным представителем культуры, призывая его для подтверждения своих позиций, демонстрируя внутреннюю логику произведений, давно ставших культурным достоянием. Стоит заметить, что, обсуждая множество лингвистических подходов к языку, И.Т. Касавин не бросает читателя наедине со сложной и не всем известной терминологией, а практически везде поясняет смысл незнакомых слов.

Вообще-то говоря, в работе «Текст, дискурс, контекст», на мой взгляд, присутствуют три сложно переплетенных книги. Одна – аналитический обзор многообразных концепций языка на стыке лингвистики и философии, что-то вроде учебника-компендиума. Другая – собственное авторское видение проблем и разработка методологии. Третья – анализ конкретных текстов (Р. Бойля, У. Шекспира, Ф. Достоевского и др.), который играет не иллюстративную, но вполне самостоятельную роль. Кроме того, автор излагает и аргументирует свои воззрения сколь рационально, столь и эмоционально. Иногда в его строках слышится высокий пафос и звучит поэтическая струна, а порой проскальзывает анекдот, шутка, проявляется легкость и раскованность.

Каковы же наиболее интересные позиции, высказанные И.Т. Касавиным? Текст так богат, что разные читатели могут выделить в нем разные аспекты. Можно было бы говорить о том, как автор блестяще справляется с задачей осмысления множества современных подходов к языку, показывая их плюсы и минусы. Однако я отмечу только то, что заинтересовало лично меня, те сюжеты, к которым, как мне кажется, я буду неоднократно возвращаться, а быть может и сделаю их реально работающим инструментом собственных философских исследований.

Во-первых, я совершенно разделяю основной методологический подход И.Т. Касавина, предполагающий конкретно-контекстуальное, неформальное исследование культурных текстов. Это, на мой взгляд, действительно верный путь, оставляющий позади узко-сциентистский подход, замыкающий текст в самом себе и исключаящий его живую игру, противоречивость, метафоричность. Только видение жизни текстов на фоне всей многокрасочности культурных событий может привести нас к пониманию. Недаром, как замечает автор, локальные лингвистические теории неизбежно превращаются в наши дни в варианты философии культуры. Мне даже представляется, что обсуждаемая книга и высказанные в ней идеи могли бы послужить началом для серии коллективных исследований – конференций, серии публикаций, быть может, книг, написанных разными авторами в русле «неклассической эпистемологии».

Во-вторых, для меня очень интересен проведенный автором в первом разделе анализ «другой логики» повседневной речи. Он подчеркивает, что назначение повседневной логики отличается от назначения логики формальной: она должна обеспечить реальные условия коммуникации. Именно поэтому она включает неточные понятия, окутанные облаком смыслов, сужает или расширяет в конкретных ситуациях понятийный объем, на ходу переоценивает понятия и смешивает их. В книге дан достаточно полный обзор приключений устного текста в обыденном общении и показано, что это не «плохая логика», но логика единственно возможная в практической жизни.

В-третьих, мне представляется эвристически ценным предложенное в книге разграничение текстов на «первичные» и «вторичные». Такое разделение текстов с одной стороны, на парадигмальные, творческие, тексты-открытия, а с другой – на вторичные, репродуцирующие, популярные помогает осмыслить культурную динамику. Говоря от имени «среднего философа» – вузовского преподавателя, я хочу подчеркнуть высокую значимость «вторичных текстов», с которыми все мы работаем и которые сами создаем. Эти «вторичные тексты» отнюдь не второсортны, у них своя роль, которую можно и нужно осмысливать наряду с изучением «первичных текстов», чаще всего рожденных озарением.

В-четвертых, я высоко ценю содержащиеся в книге размышления о роли философии в современной культуре. Отстаивая междисциплинарный подход, И.Т. Касавин подчеркивает непреходящую важность философского размышления, которое в новой ситуации выступает как медиатор, посредник, организатор диалога разных дисциплин. Разумеется, при этом философия не перестает быть и генератором идей. Интересным является и активное применение автором философского понятия «культурная универсалия», а также воспроизведение идеи о жизненном мире как фундаменте гуманитарных наук.

В-пятых, я усматриваю немалую методологическую ценность в разграничении автором понятий «дискурс» и «текст». На фоне «дискурс-аналитического бума» последних лет прояснение понятия «дискурс» просто необходимо. Автор рассматривает дискурс как живое общение, «витальное знание», незавершенное, требующее взаимопонимания, отчего и возникает задача включения кого-либо в дискурс. Текст же выступает как результат «живой болтовни» дискурса, нечто фиксированное, может быть, даже застывшее. Тексту нельзя задать вопроса, чтобы тут же получить ответ как в непосредственном диалоге. Впрочем, И.Т. Касавин считает, что философские тексты обладают особым статусом. Он четко отличает философскую рефлексию, близкую к дискурсу по своей открытости, от историко-культурной реконструкции. Философская рефлексия требует панорамного контекста и полифоничности толкований, этим она близка к живому диалогу.

Наконец, наиболее сложным и таинственным фрагментом обсуждаемого текста является, на мой взгляд, его последний раздел. Здесь автор размышляет об иносказании. С его точки зрения смыслообразование — это всегда иносказание, и в этом смысле не только «поэзия не терпит прямоговорения», но и любая речь вообще. На материале библейских текстов автор демонстрирует как иносказание становится культуротворческим моментом, как из жертвоприношения и ритуала через опосредование и символизацию формируется духовно-религиозная картина мира. Слово оказывается иносказанием «внутри самого бытия». Только так трансцендентное может явить себя — «иначе» — через слово.

Разумеется, книга И.Т. Касавина — такая большая и многоплановая — вызывает и разного рода несогласия. Поскольку они непринципиальны, я не буду вступать с автором в пылкую полемику, но все же укажу на некоторые невнятные для меня моменты.

1. В тексте неоднократно повторяется сюжет о типах проблемных ситуаций, и наука квалифицируется как решающая задачи, которые могут быть решены в настоящее время, философия — как ставящая проблемы, которые не могут быть решены в настоящее время, а магия — как решающая проблемы, которые не могут быть решены в настоящее время. Что-то тут с магией мне непонятно. Может быть, она ставит задачи, которые вообще не могут быть решены? Неясно авторское понимание магии. Возможно, оно содержится в других работах И.Т. Касавина, но в обсуждаемом тексте этот подход не прояснен.

2. Не могу я безоговорочно принять и положение автора о том, что повседневность стирает смыслы. Автор утверждает, что осмысление — это всегда переосмысление, творчество, в то время как повседневные действия и поступки осуществляются по шаблону. Однако такой подход представляется мне избыточно жестким: ну не бессмыс-

ленна же в самом деле наша повседневность! Может быть, лучше говорить о «стереотипных» и о «творческих» смыслах? В противном случае стираются границы между осмыслением и переосмыслением, пониманием и интерпретацией. Думаю, здесь все же стоит проводить тонкие различия.

3. Утверждая на протяжении всей книги необходимость выхода за пределы сциентизации в широкие социокультурные контексты, автор в самом конце, на последних страницах своего исследования вдруг как бы спохватывается, а не усмотрят ли в его подходе отказ от рационализма? Это подвигает его на заявление, что «немонологическое, рефлексивно-критическое мышление» противостоит (и не просто противостоит!) мистико-магическим практикам и религиозной вере (упомянутый также популярный нигилизм оставим в стороне). Никто не сомневается в силе и благородстве рефлексивно-критического мышления, но, мне кажется, что развиваемый на протяжении всей работы подход позволяет не противопоставлять вдумчивую философскую рефлексию мистическому опыту, который тоже есть опыт познания, хотя и не рациональный, не дискурсивный. Скорее, напротив, для неклассической эпистемологии совершенно естественно обращаться к этому весьма распространенному и для многих приятательному опыту и попытаться не только найти его место в культуре, но и выразить его – в меру возможности – на богатом философском языке, включающем метафоры и тропы.

Завершая краткий разговор о книге И.Т. Касавина «Текст, курс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка» я хотела бы подчеркнуть, что сквозь страницы, посвященные сложнейшим теоретическим вопросам, наполненные суховатой и строгой терминологией, четко проглядывает личность автора, его творческая индивидуальность. Я почти не знакома с И.Т. Касавиным, и не знаю, каков он в личном общении, но то, что я читаю, знакомит меня с внутренним миром автора, его взглядами, устремлениями, предпочтениями. И этот внутренний мир мне импонирует. Он мне интересен. Я хочу пожелать автору новых впечатлений, мыслей, открытий, новых книг.